

Отт. Совѣта Астраханскаго Троицкаго Братства.

Совѣтъ Астраханскаго Троицкаго, при кафедральномъ соборѣ, Братства покорнѣйше проситъ членовъ Братства и желающихъ быть таковыми, а также и всѣхъ ревнителей православія, пожаловать 7-го іюня, сего года, въ недѣлю всѣхъ святыхъ, въ общее собраніе, имѣющее быть послѣ поздней Божественной литургіи въ Архіерейскомъ домѣ, для выслушанія годичнаго отчета о дѣятельности Братства за 18⁸⁰/81 годъ.

ОТДѢЛЪ НЕОФФИЦІАЛЬНЫЙ.

ВЫДЕРЖКА ИЗЪ ПУТЕВЫХЪ ЗАПИСОКЪ

К П О К А Л М Ы Ц К И М Ъ С Т Е П Я М Ъ

Астраханской губерніи.

(Продолженіе) (*).

Немнѣя положительныхъ свѣдѣній о томъ, есть-ли *худуки* съ прѣсною водою по дорогѣ на урочище *Адъкз*, бывало еще въ зимней ставкѣ запасаютъ прѣсную воду. Дня за два до отъѣзда начинаемъ таять ледъ, который обыкновенно запасаютъ зимою, потому что ставка построена на возморьѣ; около ее воды много, но она горькосоленая! Почему для кочевой жизни необходимо имѣть нѣсколько боченковъ ведра въ три или четыре, въ которые можно было-бы запасать воду. Во время дороги по безводнымъ степямъ этотъ продуктъ высоко цѣнится какъ путешественниками, такъ и погонщиками. Первые на всякомъ привалѣ имѣютъ возможность поставить самоваръ и напиться чаю; а вторые—среди дня томимые жаждою, часто подходятъ къ повозкѣ и какъ особенной милости просятъ воды! Когда утолять жажду, снимаютъ шапки и поклоняются чуть не до земли! Не смотря на то, что у кочевниковъ не принято ни клясться, ни благодарить, если-бы вы его напоили и накормили у себя въ домѣ...

Путешествіе совершается въ слѣдующемъ порядкѣ. Со двора зимней ставки прежде всего выѣзжаетъ команда казаковъ, которые сидя на своихъ осѣдланыхъ коняхъ, поютъ веселыя военныя пѣсни. За ними выступаетъ нѣсколько верблюдовъ запряженныхъ въ арбы, съ имѣніемъ улуснаго правленія и всѣхъ чиновниковъ. Караванъ длинною вереницею тянется по проложенной

(*) См. Астрах. Епарх. Вѣдом. № 38, 40, 41, 42 44, 45 и 50, 51 и 52 1880 г. и №№ 2 4, 7 и 16 1881 г.

степной дорогѣ. Вьючныя животныя выпускаютъ неистовые крики, стѣшаясь невыгодною своею положеніемъ. Незадачныя оси арбы на разные варианты издаютъ пронизательный скрипъ, который можно слышать версты за двѣ отъ каравана. Погонщики ведутъ оживленную бесѣду между собою, прерываемую частыми указаніями на то, чтобы хорошенько вели верблюдовъ; чтобы колеса арбы не выходили изъ колеи продолженной дороги, иначе арба можетъ перевернуться! Возгласы: „иди дорогой!“ то и дѣло слышатся во время путешествія! Справа и слѣва отъ дороги, въ разныхъ мѣстахъ, идутъ по три или четыре верблюда, на которыхъ обыкновенно вьючатъ кибитки и всѣ пожитки разсыльныхъ. Мѣстами виднѣются овцы и небольшія стада коровъ и козлятъ, которые бляшѣмъ, мычаніемъ и ревомъ своихъ заявляютъ неохоту разставаться съ тѣми пастбищами, къ которымъ они привыкли зимою! Движеніе каравана замедляется частыми остановками. *Зогчатмы!* „стойте!“ — кричитъ улачей — и караванъ останавливается. Спрашиваешь: что тамъ случилось? получаешь отвѣтъ: или веревка, служащая вѣсело черезъ дѣльника, оборвалась; или *буррито* (веревка, продѣтая въ поздри верблюда, — „поводокъ“) лопнулъ, и верблюдъ съ арбою пошелъ въ сторону на привольное пастбище; или у арбы ось сломалась и т. под. Частыя остановки по вышеизложеннымъ причинамъ, скоро разстраиваютъ порядокъ, въ которомъ караванъ вышелъ изъ ставки. Одни отстаютъ, другіе ѣдутъ впередъ, и такимъ образомъ транспортъ, разбившись на нѣсколько частей, растягивается верстъ на десять! Ежегодныя перекочевки мнѣ всегда представлялись миниатюрною картиною странствованія Израильтянъ по Аравійской пустынѣ! Путешествіе, начавшееся часовъ въ 5 утра, продолжается только до одиннадцати. Когда наступаетъ жаркое время, караванъ останавливается, потому что верблюды скоро устаютъ! Если-бы кому вздумалось гнать ихъ далѣе, то послѣ обильнаго пота кожа на животныхъ начинаетъ трястися, какъ будто-бы начался пароксизмъ лихорадки и верблюдъ за тѣмъ падаетъ! Отъ перегона верблюдъ легко можетъ издохнуть, если ему не начнутъ обливать голову холодною водою. Если же воды достать невозможно, то опытные калмыки прибѣгаютъ къ кровоосушанію, которое совершается довольно оригинально! Изъ кожанаго мѣшечка, висящаго при поясѣ, калмыкъ вынимаетъ пожъ, имѣющій клипокъ вершка въ три, и вонзаетъ оный по самый черенокъ въ холку упавшаго верблюда и потомъ вынимаетъ. Изъ зияющей раны обильно течетъ кровь. — Когда сойдеть крови фунта два, верблюдъ, отдохнувши, встаетъ и продолжаетъ путь.

Останавливаютъ кровь пескомъ, который, бывъ смоченъ кровью въ персти верблюда, образуетъ кусокъ грязи. Съ одиннадцати часовъ утра и до 4 часовъ по полудни караванъ останавливается въ сторонѣ отъ дороги. Для этого всегда выбирается мѣсто обильное травой. Животныхъ отпрягаютъ и пускаютъ на пастбище, а изъ проѣзжающихъ одни устрояютъ импровизованные тенты; другіе—стараятся укрыться отъ дѣйствія лучей палищаго солнца въ тѣни подъ арбами, или экипажами! Для начальствующихъ лицъ разставляютъ *джолоны*, въ которыхъ они располагаются. Но и эти не высокія юрты плохо защищаютъ отъ зноя. Кошмы скоро нагрѣваются и въ *джолонкахъ* бываетъ невыносимая духота. Лучше сидѣть на открытомъ мѣстѣ, въ тѣни отъ арбъ или экипажей, гдѣ есть свободное движеніе воздуха, нежели въ нагрѣтомъ *джолонѣ*.

Лишь только караванъ остановится, унылая степная мѣстность тотчасъ оживляется. Всюду видна кипучая дѣятельность. Погонщики дѣлятся на партіи; одни отпрягаютъ верблюдовъ и гонятъ ихъ на пастбища; другіе—пѣшкомъ идутъ въ открытую степь собирать *аргасунгъ* (сухой скотскій пометъ), замѣняющій дрова; третіи—роютъ *зуухи* „ямки въ землѣ“, въ которыхъ можно-бы развести огонь, для приготовления пищи и понадежѣе установить широкій но не глубокій калмыцкій котель. Одновременно въ разныхъ мѣстахъ показывается дымъ и идутъ самыя разнообразныя приготовленія для трапезы.—Одни рѣжутъ кусками сырую бараницу, другіе мелко крошатъ кирпичный чай; иные готовятъ лапшу и т. под.; бѣдняки-же пробавляются *буданомъ*, т. е. кипяченою водою, въ которой разболтано горсти двѣ не сѣянной пшеничной муки и положено нѣсколько кусочковъ бараньяго сала. Разсильные, томимые жаждою, разводятъ самовары для чиновниковъ, въ сладкой надеждѣ, что за услугу ихъ напоить чаемъ? Оживленный говоръ погонщиковъ, разсильныхъ и разныя приказанія лицъ начальствующихъ дотолѣ неумолкаютъ, пока не посябеть кушанье и не вскипятъ самовары. При началіи трапезы и чаепитія водворяется тишина. Дневной жаръ настолько утомляетъ человѣка, что теряешь всякій аппетитъ; чему много способствуетъ частое употребленіе воды, или холоднаго чая для утоленія жажды.

Часа въ четыре по полудни начинаютъ собирать верблюдовъ, запрягать въ арбы и отправляются далѣе. Временно оживленная мѣстность пустѣетъ. Остаются одни только *зуухи* съ золою, пепломъ и мѣстами дымищимся *аргасунгомъ*, какъ памятники временной остановки проѣзжающихъ чрезъ

калмыцкія степи. Часовъ въ десять вечера караванъ вторично останавливается на ночлегъ. Этотъ привалъ бываетъ гораздо отраднѣе перваго! Время бываетъ прохладное; пыли нѣтъ, воздухъ чистый; кажется что и легкія работаютъ сильнѣе, какъ-бы вдыхая въ себя количество воздуха болѣе обыкновеннаго!.. Въ такое-то благодатное время подъ открытымъ небомъ и чай-то пить какъ-то пріятнѣе, а особенно если бываетъ лунная ночь!.. Постели для ночлега обыкновенно готовятъ или на травѣ около арбъ, или-же въ повозкахъ; а начальникамъ—въ *джолонахъ*. Но и это возделѣнное время ночлега не всегда проходитъ спокойно. Если ночью пойдетъ дождь, то прежде времени всѣхъ разбудить, и переполохъ бываетъ страшный. Путники, стараясь укрыться отъ дождя—куда кто можетъ, проводятъ всю ночь безъ сна, и промощенные до костей—отъ нечего дѣлать—разсказываютъ о разныхъ приключеніяхъ; говорятъ разные каламбуры, безобидно пошучивая одинъ на счетъ другаго!..

Послѣ четырехъ или пятнадцатидневнаго путешествія по степямъ, обыкновенно достигали урочища *Адыкъ*,—бывали случаи, когда ставка кочевала и на урочищѣ *Санзыръ*,—какъ Израильяне земли обѣтованной!.. Тамъ выставлены кибитки, въ которыхъ должна помѣститься ставка. Для попечителя, помощника, улуснаго правленія и офицера обыкновенно выставляютъ кибитки порядочныя; но для прочихъ чиновниковъ и команды казаковъ—такія плохія, которыя едва-ли могли быть удобны для помѣщенія степной кухни у богатаго скотовода?! Двери старыя, рѣдко плотно притворяются, а если и притворяются, то неимѣютъ пороговъ до земли. *Тэрэма*—„стѣнные рѣшетки“—внизу поломаны; а это даетъ полную свободу голоднымъ калмыцкимъ собакамъ ночью путешествовать изъ одной кибитки въ другую и похищать стѣнные припасы. *Уничы*, *хараичина* и кошмы коченныя и дырвыя, а потому и не защищаютъ ни отъ дождя, ни отъ пыли. Если бываетъ дождь, хотя-бы и небольшой, онъ перемочитъ всю одежду. Если случится ночью, то непременно разбудить и, при всемъ нежеланіи, заставить васъ бодрствовать. На утро необходимо выносить изъ кибитки и просушивать всю одежду.—Къ этимъ *пріятностямъ* степной жизни надобно присовокупить то, что послѣ дождя воздухъ въ кибиткѣ бываетъ претвратительный. *Тэрэма* и *турги*—„кошмы, завѣшивающія стѣны кибитки“—облагы кислымъ молокомъ, изъ котораго дѣлаютъ *арту*, и перепачканы кусками падали, которую обыкновенно развѣшиваютъ на тэрэмахъ, издають какой-то

неопредѣленный, кисло-тухло-копченый запахъ дотола, пока вся кибитка не высохнетъ! А если въ сухую погоду случится вѣтеръ, то въ кибиткѣ буквально все засыпаетъ толстымъ слоемъ пыли и песка. Отъ движенія воздуха кошмы на крышѣ кибитки начинаютъ трепать, и если-бы въ это время вздумалось писать, то вѣстѣ съ пескомъ на бумагу часто падаютъ многія мелкія насѣкомыя, которыя въ степяхъ пользуются особою привиллегіею. Не смотря на то, что эти назойливыя насѣкомыя въ обилии заводятся и въ одеждѣ и въ кошмахъ кочевниковъ, но калмыки, по религіозному убѣжденію, никогда не дерзнутъ посягнуть на ихъ жизнь. Убить вошь считается, кажется, смертнымъ грѣхомъ (*нюль*)! Почему кочевникъ, поймавши это насѣкомое, осторожно выноситъ его изъ кибитки и бросаетъ на траву!—Забавно смотрѣть—какъ калмыки хотя на время избавляются отъ этихъ назойливыхъ насѣкомыхъ! Если въ рубахѣ развелось ихъ много и онѣ не даютъ покоя человѣку, то калмыкъ выходитъ и изъ кибитки снимаетъ сорочку, въ рукава ея продѣваетъ *унину* „палку“, которую за выдунувшіяся концы держатъ двое. Хозяинъ ударяетъ палочкою по подолу рубахи—то съ той, то съ другой стороны, чтобы вши (*безюнь*) ссыпались на землю.—Послѣ этой операціи хозяинъ надѣваетъ сорочку. Это для степняковъ значитъ тоже самое, что русскому человѣку побывать въ банѣ!?

(Продолженіе будетъ).

Протоіерей Пармень Смирновъ.

ОБЪЯВЛЕНІЯ:

Поступилъ въ продажу прекраснo-исполненные портреты Ихъ Величествъ:

Императора АЛЕКСАНДРА III и Императрицы МАРИИ ФЕОДОРОВНЫ

для частей войскъ, мировыхъ судей, волостныхъ и сельскихъ правленій, учебныхъ заведеній, разныхъ учрежденій и лицъ. Портреты, величиною каждый: 12½ вершковъ въ длину и 9 вершковъ въ ширину, исполнены на камнѣ по самымъ послѣднимъ фотографіямъ извѣстнымъ художникомъ-портретистомъ П. Ѳ. Борелемъ и отпечатаны на хорошей бумагѣ съ тономъ.

Цѣна каждому портрету 1 р. съ пересылкою. За оба портрета вѣстѣ: 2 р. съ пересылкою.

Клиентопродавцы пользуются обычной уступкой.

Съ требованіями обращаться *исключительно*: въ С.-Петербургѣ, въ редакцію журнала „Иллюстрированный Міръ“, по Николаевской ул., д. № 48.

СОДЕРЖАНІЕ. Отдѣлъ оффиціальныи: Васмн правительственна распоряженія 1) Указы Св. Синода. 2) Распоряженіе енархіальнаго начальства съ правилами для оффицескихъ хоромъ г. Астрахани. 3) Разныя извѣстія. 4) Отъ Совѣта Астрах. Троицкаго Братства. **Отдѣлъ неоффиціальныи:** 1) Выдержка изъ мѣстныхъ записокъ по калмыцкимъ (продолженіе). 2) Объявленіе.

Редакторъ Я. Лебединскій.

Дозволено цензурою. Астрахань 29 мая 1881 г.

Губернская Типографія.